

структуры означающего, а также одновременно из того и из другого.

8) Логизм и психологизм ориентировались на означаемое. Структура означающего (слова, предложения) не находила адекватного отображения в соответствующих понятиях.

9) Наиболее простым решением вопроса было бы отображение в понятиях одновременно и семантики и структуры — существенных признаков и той и другой. К сожалению, это осуществимо лишь частично, и то в отдельных языках. В большинстве случаев семантическое и структурное своеобразие, как правило, не учитывается.

10) Отсюда — необходимость при описании фактов языка выделять понятия двойного рода: структурные понятия по структурному признаку, семантические — по семантическому, следуя принципу гомогенности. Это даст возможность должным образом отобразить в описании системы любого языка, независимо от его структуры, и общее, и отличное, т. е. то, что характерно для индивидуальности описываемого языка.

Можно заключить рецензию утверждением, что книга является компендиумом по всем теоретическим вопросам лингвистики. Основной подход к языку, осуществленный в труде, можно охарактеризовать как реалистический, гармонично сочетающий все основные свойства изучаемого явления, без гипертрофии какого-либо одного его аспекта, будь то структура, форма, значение, синхрония или диахрония. Единственные категории, выделенные особо, это — *имманентный предмет лингвистики и историзм как предмета, так и методологии*.

Концепция акад. А. С. Чикобава нам представляется естественным продолжением классической материалистической теории языка.

Можно было бы поспорить с автором в понимании знаковости: всегда ли язык функционирует в качестве знаковой системы? В интерпретации принципа гомогенности: возможно ли раскрытие сущности структуры в часто структурных понятиях? Невозможность дельной универсальной грамматики не вызывает сомнений, но значит ли это, что невозможны универсальные высказывания о языке, не философского, а лингвистического характера?

Можно было бы поставить и другие аналогичные вопросы. Но полемика с автором книги накладывает на рецензента серьезную обязанность построения в противовес ей такой же стройной, продуманной до конца (начиная с философского мировоззрения и исходных постулатов и кончая эмпирическими лингвистическими выводами) теории. В этом я вижу основное достоинство книги. Проблемы, поставленные в ней, благодаря своей ясности, четкости и бескомпромиссности стимулируют мысль и побуждают к теоретической работе, к обобщениям, учитывающим всю сложность диалога в современной науке.

Издание книги акад. А. С. Чикобава — своевременная публикация.

Мачавариани М. В.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чикобава А. С. Общее языковедение. II. Основные проблемы (на груз. яз.). Тбилиси, 1945.
2. Чикобава А. С. Проблема языка как предмета лингвистики в свете основных задач советского языковедения. — Известия Ин-та языка, истории и материальной культуры АН Груз. ССР, 1941, т. X.

Касевич В. Б. Фонологические проблемы общего и восточного языкознания. — М.: Наука, 1983. 294 с.

В отечественном языкознании фонология всегда занимала важное место. Именно в русском и советском языкознании были заложены основные принципы фонологической теории, давшие свои позитивные результаты. Труды И. А. Бодуэна де Куртенэ, Е. Д. Поливанова, Л. В. Щербы, Л. Р. Зиндера, Р. И. Аванесова, А. А. Реформатского, Г. И. Торсуева, В. К. Журавлева, Л. В. Бондарко и др. составляют единое целое, характеризующееся разнообразием творческих поисков.

Книга В. Б. Касевича вносит немало нового в развитие фонологической теории, ибо, во-первых, она осуществляет синтез основных положений традиционной, классической фонологии и новых представлений, возникших в последние десятилетия, а во-вторых, в ней содержится экспериментальная и про верка а фонологических концептов.

Фонология является той областью языкознания, которая апробирует наиболее точные методы исследования, получающие в дальнейшем свое распространение и при анализе других уровней языковой системы. Поэтому очень важно, чтобы фонологические концепты были хорошо отработаны и отражали языковую реальность. Трактовка фонологических единиц должна быть адекватна материалу. В. Б. Касевич прав, отвергая так называемый «фоноцентризм» и утверждая, что «фонома — лишь одна из фонологических единиц» (с. 4).

Книга состоит из введения и семи глав. Во вводной части автор излагает общую схему фонологического анализа. В основе лингвистического анализа — применение абстракции отождествления. Сама по себе последняя не налагает ограничений на выбор признака, используемого

как основание отождествления. С изменением признака изменяются результаты описания материала, набор единиц, слогом, лингвистическая модель. Отсюда следует важность выбора признака, его обоснованность. Признаки должны носить функциональный характер, что простекает из основного назначения языка — быть средством общения. На этом пути исследователи ждут определенные сложности, так как фонетические единицы сами по себе не передают смысла, а лишь обслуживают вышележащие уровни, обеспечивая их функционирование. Кроме того, выяснение функций элемента может являться результатом анализа, и исследователь вынужден выбирать среди нескольких функций, свойственных элементу. Важно, что при этом В. Б. Касевич вскрывает внутреннее противоречие, отсутствующие процедуре анализа, приписывая решения о его характере.

Отправной точкой анализа автор считает текст. Он убедительно показывает, что текст не есть «естественный» физический объект, над которым нужно произвести некоторые формальные операции, чтобы установить в результате систему языка, так как подобный подход к тексту оборачивается афункциональностью. Известно, что для каждого фонологического членения текста возникает проблема сегментации текста. Представление о том, что текст естественно членится на определенные сегменты, воспринимается фонетистами как наивное, ибо звучащий текст имеет ярко выраженный континуальный характер. Исходя из этого, В. Б. Касевич утверждает, что «лингвист в известном смысле начинает с некоторой фонологической, фонемной записи текста, и все процедуры сегментации представляют собой не что иное, как способы доказательства определенного фонологического членения текста» (с. 17). Для определения адекватности фонемного членения автор видит две возможности: 1) выяснение того, какой именно способ выделения фонем соответствует дальнейшему рассмотрению языковых уровней, в частности морфологического, 2) использование специальных критериев верификации.

В первой главе «Установление системы фонем языка» предпринят анализ второго пути определения адекватности фонемного членения. Там же обсуждаются такие вопросы, как содержание понятий фонемы и фона, оппозиции, дифференциального признака, ставится проблема соотношения «абстрактности и конкретности» в фонологии, рассматриваются формальное и натуральное направления фонологической теории.

В. Б. Касевич наглядно демонстрирует, что ассоциативный анализ не существует своему афункционален, следовательно, не может быть эффективным. Известно, что правила Трубецкого не все лингвисты принимали безоговорочно (например, А. Мартине). Здесь было бы уместно сослаться на работы советских лингвистов и, в частности, на детальный анализ правил Трубецкого, данный Г. П. Торсуевым [1].

Вслед за Щербой Касевич ссылается, что

основным критерием верификации фонологической сегментации выступает проверка рассматриваемого сегмента на морфологическую членимость. Морфологический критерий по-разному понимается различными лингвистическими школами. Анализируя расхождения Московской и Ленинградской фонологических школ, автор указывает, «что для школы Щербы тождество морфемы — это тождество универсально-автоматического варианта морфемы» (с. 45). Именно обращение к морфологии делает анализ функциональным. Отождествление сегментов также может быть корректным лишь на функциональной основе: фонетистам давно известно, что фонетическое сходство — это скорее фикция, чем реальность.

Итак, морфологический критерий последовательно проводится автором как при сегментации, так и при отождествлении сегментов. При этом важно подчеркнуть, что отождествление через фонологические признаки, выведенные из функционально установленных соотношений, ни в коей мере не может считаться аналогом отождествления по фонетическому сходству, наблюдаемому до выяснения системы фонем. Можно сказать, что процедура предложенная автором, логична, корректна. Нельзя не согласиться с В. Б. Касевичем, когда он пишет, что «вообще реально лишь направление анализа „сверху вниз“, т. е. от крупных единиц к мелким» (с. 44).

Во второй главе «Слог» обсуждается проблема слога. Автор констатирует, что статус слога в фонологической теории отличается наименьшей определенностью. Последовательно рассматривая функции слога, слогоделение, структуру слога, он выдвигает новую концепцию о двух типах глубоких слогов и их соотношения с поверхностными слогами. По его мнению, функции слога не могут быть сведены к просодической, фонотактической (дистрибутивной) или коартикуляционной. Автор замечает, что если основная функция слога — коартикуляционная, то слог должен считаться фонетической единицей. Слог относится к тому же типу единиц, что и словосочетание или предложение, ибо имеет схемы и правила построения, свойственные каждому данному языку (что не исключает, естественно, универсальных характеристик). Таким образом, слог — единица спонтанная, в отличие от фонемы — единицы парадигматической. В. Б. Касевич уточняет, что это утверждение правомерно для неслоговых языков; в слоговых же языках слог — единица парадигматическая. Помимо перечисленных функций, слогу, по мнению автора, присущи ритмообразующая функция, функция единицы решения при речевосприятии, а также функция основной оперативной единицы детской речи соответствующего этапа.

Представляется важной мысль о том, что лингвист не должен стремиться снять неоднозначность решения информантов в пользу того или иного единственного типа слогоделения, а должен попытаться объяснить ее. Иначе говоря, слог как бы не обладает жесткой структурой на поверхностном уровне. Следует отметить,

что все положения и выводы работы подтверждаются экспериментально.

В третьей главе «Слоговые языки» исследуется материал слоговых языков, где слог занимает центральное место в фонологической парадигматике языка. В слоговых языках нет полного аналога фонемам неслоговых языков. «Вместо этого здесь представлены единицы двух фонологических уровней: слоги, с одной стороны, и их компоненты, инициалы и финалы — с другой» (с. 149). Специфика слоговых языков состоит не только в наличии двух уровней там, где в неслоговых языках один, но также в том, что единицы одного уровня являются составляющими по отношению к единице более высокого уровня. Иная интерпретация языкового материала слоговых языков естественным образом связана с особым соотношением слога и морфемы в этих языках. Не случайно автор постулировал морфологический принцип рассмотрения фонемного уровня как основополагающий. Этот принцип оказывается применимым к более широкому материалу, чем индоевропейские или тюркские языки, финно-угорские или семитские, которыми оперирует большинство исследователей. «Фонемоцентрический» подход не устраивает автора, «слоγοцентрический» дает более широкое поле деятельности. Такие языки, как китайский, вьетнамский, бирманский, многие другие языки материковой Юго-Восточной Азии дают пищу для размышлений, которые не всегда могут быть сразу и безоговорочно приняты лингвистами, имеющими дело с индоевропейскими языками. Достаточно вспомнить грамматическую полемику о морфоцентрическом и словоцентрическом подходах к описанию языка [2]. Видимо, выход из этих полемик один — внимательное изучение другой лингвистической традиции. Книгу В. Б. Касевича как раз и отличает знание и понимание разных лингвистических традиций и различного языкового материала.

Итак, в третьей главе автор трактует проблему слога как парадигматической единицы, раскрывает преимущества многоуровневой структуры слоговой фонологии, рассматривает слоготемы и проблему моновокализма, а также возможность существования слога как единственной фонологической единицы.

Следует отметить, что отдельные положения, формулируемые автором, уже высказывались в фонологии ранее. Так, интересными представляются соображения по проблеме моновокализма, содержащиеся в исследовании Ю. С. Степанова и Д. И. Эдельмана «Семиологический принцип описания языка» (см. в кн. [3]). К сожалению, в книге нет ссылки и на коллективную статью Ю. А. Горгонцева, Ю. Я. Плама, Ю. В. Рождественского, Г. П. Сердюченко, В. М. Солнцева [4].

В четвертой главе «Типология фонологических систем» автор выделяет ряд признаков в качестве основания для типологии фонологических систем: возможность/невозможность неслоговых морфем, т. е. морфем с экспонентом, фонологически меньшим, нежели слог; возможность/невозможность респлабизации; возможность/невозможность функциональной

нагруженности компонентов слога. В результате получается разбиение языков на пять классов: чисто слоговые, слоговые, несобственно слоговые, неслоговые с чертами силлабизма, неслоговые. Один фонологический тип постепенно переходит в другой. Для каждого типа указываются используемые фонологические единицы, соответственно: слог; слог, слоготемы; слог, слоготемы; слог, фонема; фонема. Это не единственная типологическая классификация, которую предлагает автор. Он показывает, что возможна классификация по типу инициалей, которая делила бы языки на два класса: обладающие и не обладающие сложными инициалами. Эта классификация применима к слоговым и несобственно слоговым языкам. Интересно замечание о том, что представленные в типологической литературе импликационные универсалии есть не что иное, как соотношение разных классификаций.

Пятая глава «Просодика» посвящена проблемам ударения и тона, а также типологии просодических систем. Автор ставит вопрос об отграничении ударения и тона от сегментных единиц и от интонации. По его мнению, легче отграничить эти явления от интонации, чем от фактов сегментного ряда. Так, гортанная смычка может быть отнесена к просодическим, а в других случаях — к сегментным явлениям. Представляется все же, что гортанная смычка — это явление сегментного ряда, однако может быть использовано просодическим уровнем. Трактовка гортанной смычки как просодического явления возможна лишь с чисто функциональных позиций.

Еще сложнее указать различия ударения и тона. С точки зрения В. Б. Касевича, «для противопоставления ударения тону должны использоваться те же основания, которые служат для отличия интонации от ударения и тона, — характер обслуживаемой языковой единицы. А именно: тон есть просодическая характеристика слога, а ударение — слова» (с. 164). В этой связи автор обсуждает проблему тона и ударения в языках, где есть акценты типа балтийских, скандинавских, сербохорватских, пенджабских. Анализируя просодическую систему латышского литературного языка, он приходит к выводу, что различие ударения и акцента не имеет под собой реальных оснований: есть только одна просодическая характеристика, природу которой и предстоит выяснить лингвисту. Акценты не являются с фонологической точки зрения слоговыми, не являются тонами, это разновидность ударения. В. Б. Касевич предлагает называть просодические системы типа русской моноакцентными, а системы типа скандинавских — полиакцентными.

Автор очень последовательно проводит свою точку зрения, его система настолько логична, что если принимать основной ход рассуждений, то приходится соглашаться и с некоторыми частными выводами, которые вне этой системы рассуждений можно было бы опровергнуть. Это касается, в частности, вопроса о дополнительном ударении в слове, наблюдаемом во многих языках. Прав ли автор в том, что с фонологической точки зрения

можно обнаружить лишь одно ударение? Видимо, этот вопрос требует более детального обсуждения.

В. Б. Касевич разработал новую классификацию просодических систем, основанную на трех признаках релевантности/иррелевантности: просодической характеристики каждого слога; места ударения; качества ударения. В результате он получает шесть классов, которые представляют несомненный интерес. Здесь же автор касается проблемы фонации, часто привлекающей к себе внимание лингвистов в последнее время. Автор прав, считая, что эта проблематика требует отдельного исследования.

В двух заключительных главах «Фонологические аспекты речевой деятельности» и «Фонологический компонент языка и его уровни» предпринята попытка осветить некоторые, весьма существенные аспекты, связанные с функционированием тех компонентов языковой системы, которые ответственны за порождение и восприятие звуковой стороны речи. Продуктивной представляется мысль автора о том, что «первым должен генерироваться интонационный контур, поскольку он наиболее тесным образом соотносится с семантическим планом высказывания» (с. 193). Порождение ритмических структур — это следующий шаг в конкретизации общего замысла. И при порождении речи, и при ее восприятии происходит движение с высших уровней к более низким.

В последней главе В. Б. Касевич подводит итог наиболее важным для него теоретическим положениям. По его мнению, не вполне корректно считать фонологию низшим уровнем языкового анализа. Это особый сложный организованный уровень со своей иерархией единиц, куда

включены и интонационные, и просодические, и сегментные компоненты, которые коррелируют с другими явлениями языка — глубинной семантикой, коммуникативными типами высказывания, морфологической структурой слова.

В целом в книге изложена непротиворечивая концепция — результат многих лет чтения лекций, проведения экспериментов, размышлений над кардинальными проблемами фонологии. Ее прочтение будет полезным не только для фонетистов, но для всех тех, кому небезразлично новое слово в науке о языке. Не случайно решением Ученого совета Ленинградского ордена Ленина и Трудового Красного знамени Государственного Университета имени А. А. Жданова от 28 января 1985 года В. Б. Касевичу за научные работы по общему и восточному языкознанию присуждена университетская премия первой степени.

Торсуева И. Г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Торсуева И. Г. Проблемы теоретической фонетики и фонологии. Л., 1969.
2. Алатов В. М. Вопросы восточного языкознания. М., 1983.
3. Принципы описания языков мира. М., 1976.
4. Горгониев Ю. А., Плавин Ю. Я., Рождественский Ю. В., Сердюченко Г. П., Соколов В. М. Общие черты в строе китайско-тибетских и тибетологических близких к ним языков Юго-Восточной Азии (к проблеме моносиллабизма). — В кн.: XXV Международный конгресс востоковедов: Доклады делегации СССР. М., 1961.

Структура предложения в языках различных типов. Палеоазиатские языки. Стб. ред. Павфилов В. З., Скорик П. А. — Л.: Наука, 1984. 270 с.

Рецензируемая книга представляет собой коллективную монографию, посвященную вопросам синтаксиса ряда палеоазиатских языков, а именно чукотского, корякского, эскимосского и ительменского. При значительных успехах, достигнутых в 50—70-е годы в области исследования морфологии палеоазиатских языков [1—5], их синтаксис оставался фактически не изученным, так как затрагивался лишь частично в отдельных статьях [6—8] в плане выяснения общего типологического состояния этих языков или в кратких очерках об этих языках [9—10], а в основном лишь косвенно в связи с исследованием морфологии частей речи и определением статуса различных грамматических категорий. Между тем общезвестно, что без изучения синтаксиса того или иного языка нельзя получить полного представления о его строе в целом, ибо, как полагал акад. И. И. Мещанинов, «...строение языка сводится в основном к лексике и синтак-

сису, обслуживаемым разными средствами морфологии» [11]. Это особенно важно в отношении палеоазиатских языков вследствие своеобразия их паратаксиса и гипотаксиса, а также в связи с проблемами эргативности, вербобентризма, инкорпорации, полисинтетизма и т. д. Поэтому рецензируемая монография открывает новый этап в исследовании палеоазиатских языков, в первую очередь структуры предложения в этих языках. Однако монография представляет значительный вклад и в общую теорию предложения, поскольку в ней поднимаются и плодотворно решаются кардинальные проблемы предложения как универсальной языковой единицы.

Первая глава монографии «Структура предложения и его признаки как языковой единицы» является общетеоретической основой книги в целом.

В соответствии с положением диалектического материализма о единстве языка и мышления автор этой главы —